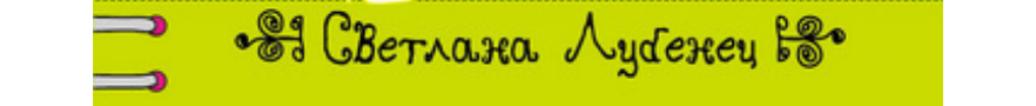

Любовь
в противогазе

© Светлана Лубенец ©

Светлана Лубенец
Любовь в противогазе
Серия «Только для девчонок»

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=163995
Любовь в противогазе: Эксмо; Москва; 2005
ISBN 5-699-12815-8*

Аннотация

Это все подстроено! Какая-то гнусная личность нарочно делает так, чтобы 7 «Д» оказался хуже всех в общешкольной военной игре! То прямо перед соревнованиями запирает весь класс в кабинете информатики, то... подкидывает Мите Толоконникову записочку «Я тебя люблю!» – за что вредная училка штрафует всех... У мальчишек своя версия происходящего, у девчонок – своя. Ведь Митя нравится нескольким одноклассникам. А ему – Тася Журавлева, не замечающая ничего, кроме военной игры и... командира их «роты» Джека. Который, в свою очередь, знает, кто является причиной всех несчастий класса. И презирает Тасю за то, что она покрывает этого человека...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	13
Глава 3	28
Глава 4	36
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Светлана Лубенец

Любовь в противогазе

Глава 1

Раскол в результате всеобщего тайного голосования

Девочек седьмого «Д» класса учителя называли Птичьим базаром, потому что их фамилии в большинстве своем были птичьими: Орлова, Воробьянинова, Журавлева, Дятлова, Голубева и даже самая настоящая Иволга. Пенкину с Малининой также с полным правом стоит причислить к Птичьему базару, потому что и пеночка, и малиновка – птицы не хуже других. У мальчиков фамилии были ничем не примечательные, если не считать Толика Летягу, которого можно хоть как-то поставить на одну доску с птицами. Всем известно: помимо простых белок бывают и белки-летяги, исходя из чего Толик был причислен к летучему племени класса. Еще у одного мальчика седьмого «Д», Сереги, была фамилия Раскоряда, которого, естественно, все звали Раскорякой. Понятно, что к Птичьему базару эта фамилия не имеет никакого отношения, но, согласитесь, странно было бы ее не упомянуть, раз уж мы заговорили о фамилиях.

Как раз сегодня, а именно в понедельник второй недели сентября, седьмой «Д» собрался на классный час для того, чтобы выбрать себе командира.

– Я предлагаю на эту ответственную должность Тасю Журавлеву, – сказала классная руководительница Наталья Ивановна. – Она хорошо учится, дисциплинирована и инициативна. Все учителя характеризуют ее положительно. Социальный педагог школы тоже настаивает на ее кандидатуре, потому что в прошлом году Тася хорошо себя проявила в школьном активе.

Седьмой «Д» встретил предложение классного руководителя напряженным молчанием. Даже Птичий базар не издал ни единого писка, квохтанья или клекота. Тася Журавлева действительно была очень инициативна, чем замучила своих одноклассников до зубовного скрежета. Как член школьного актива, она проводила бесконечные проверки: то заполнения дневников, то ведения тетрадей, то состояния учебников. Особенно она любила классные часы, где оглашала итоги своей бурной деятельности и клеймила позором провинившихся, которых выявлялось всегда гораздо больше, чем отличившихся. С особым чувством удовлетворения Тася зачитывала фамилии одноклассников, которые будут вызваны на школьный актив для дальнейшей проработки и выволочки. На активе она сидела с сознанием до конца выполненного долга, с поджатыми губами и презрением во взоре.

– А чего это все Журавлева да Журавлева? – нарушил молчание Толик Летяга. – Не пора ли ей на заслуженный отдых? На пенсию!

Это заявление Летяги вызвало целый шквал поддерживающих его возгласов:

– Вот именно!

– Надоела уже эта Журавлева! Строит из себя!

– Другие тоже хотят!

– Есть не хуже Таськи!

– Долой Журавлиху!

Тася поджала губы, как на заседании школьного актива, и молча смотрела в одну точку над головой сидящего впереди Летяги, который при такой мощной поддержке класса почувствовал себя хозяином положения.

– Точно! Долой Таську! – крикнул он и даже замахал над головой спортивной курткой, которую только что снял, поскольку вспотел от напряжения, решая такой важный вопрос.

Тут же несколько мальчишек вскочили со своих мест и тоже замахали над головами чем придется: тетрадами, контурными картами и даже собственными сумками. Раскоряка выскочил к доске, схватил тряпку и стал крутить ее мокрый жгут над собой, как пропеллер.

– Хватит! – классная руководительница прекратила бурные проявления воли одноклассников, грозившие перелиться в митинг протеста с флагами и транспарантами. – Вот ты,

Летяга, кого предлагаешь?

– Я-то... – замялся Толик.

– Ты-то! – суровым голосом пригвоздила его к месту Наталья Ивановна. – Нельзя просто отвергать. Следует всегда выдвигать встречное конструктивное предложение. Есть у тебя конструктивное предложение?

– У меня-то... – совсем растерялся Толик. – Конструктивное... Это как?

– Это из которого можно, как из конструктора, собрать нового командира вместо Таськи! – выкрикнул Раскоряка, и все рассмеялись.

– У меня есть предложение! – неожиданно подал реплику Женя Рудаков, мальчик с умным лицом закоренелого отличника и фигурой будущего борца армрестлинга. На самом деле Рудаков был весьма средней успеваемости, а красивая фигура досталась ему по наследству от отца без всякого физического напряжения. В дополнение к фигуре Женя имел такие бездонные серые глаза и так красиво стриг волосы ежиком, что весь Птичий базар, исключая, конечно, Тасю Журавлеву, готов был тут же согласиться с любым его предложением. – Давайте проведем выборы!

– Точно! – обрадовался Толик. – Кто за Джека... То есть за Евгения Рудакова, прошу голосовать! – И сам первым поднял руку.

– Не мельтеши, Летяга! – осадил его Рудаков. – Я другое предлагаю: выборы путем всеобщего тайного голосования.

Голосовать – так по-честному, чтобы никто не поднимал руки, глядя на остальных.

– Конечно же, тайное! – скривилась Журавлева, оторвавшись от своей точки над головой Летяги и повернувшись к Рудакову. – Кто ж за тебя будет открыто голосовать, когда ты только что «пару» по матеше схватил, а вчера еще по литературе! Стихотворение не можешь выучить, а туда же!

– Какое-то жалкое стихотворение делу не помеха! – вступился за друга Летяга. – Командир класса должен не стихи учить, а... совсем другое делать!

– И что же, например? – Тася развернулась к Толику всем корпусом, с презрением меряя его взглядом. – Ага! Не знаешь! Не знаешь!

– Почему же не знаю! Как раз знаю! Командир должен нами командовать! Вот! И не как ты со своими списочками, кто плохой, кто хороший, а по-другому! Дела нам интересные придумывать. Поход, например! Или футбольный матч с седьмым «В»!

– Ага! Еще скажи «войнушку» против восьмого «А» организовать и «стрелку» с седьмым «Б» забить! – ядовито заметила Журавлева. – Тоже мне командир! – Она насмешливо хмыкнула: – Ерунда все это, правда же, Наталья Ивановна?

– Честно говоря, мне предложение Рудакова понравилось, – ответила учительница. – В самом деле, давайте устроим тайные выборы командира. Даже интересно, что у нас получится. Таким образом и выявится, кто у нас настоящий

лидер!

– А тайные – это как? – тоненьким голосом испуганно спросила Ксюша Воробьянинова. Ей почему-то представилась темная камера подземелья, где у нее под страшными пытками намереваются вырвать признание в том, какой мальчик их седьмого «Д» ей больше всех нравится. О том, что командиром может быть девочка, ей почему-то не хотелось и думать. Командир – и слово-то мужское. А Таська Журавлева никакая не командирша, а так... зануда из зануд!

– Тайные – это значит тайные! – глубокомысленно изрек Рудаков, которого одноклассники все-таки чаще всего звали Джеком. – Пишешь на бумажке фамилию кандидатуры, скручиваешь ее в трубочку и кладешь на стол Натальи Ивановны, а она потом подсчитывает число голосов. Или... – Джек воодушевился и засверкал глазами. – Или можно создать специальную комиссию! Хочешь в счетную комиссию, а, Воробьишка?!

– Пусть Наталья Ивановна считает! – не дала Ксюше согласиться Журавлева, которой казалось – раз учительница только что была на ее стороне, то уж непременно подсчитает так, что командиром класса непременно станет она.

А одноклассники уже безжалостно отрывали последние страницы тетрадей, чтобы писать на них фамилию будущего командира. Тася не стала портить тетрадь. Она аккуратно оторвала один листочек от пачечки розовой бумаги для заметок, толс-тым синим фломастером вывела на нем «Жу-

равлева Таисия», скатала в трубочку и положила ее на стол классной руководительницы вслед за Летягой и Джеком.

Когда на стол Натальи Ивановны легла последняя трубочка, класс замер в ожидании оглашения собственного решения. Ко всеобщему неудовольствию оказалось, что всеобщие тайные выборы проблему командирства над седьмым «Д» не только не решили, а, наоборот, усугубили. Тася Журавлева, несмотря на недовольные выкрики в начале классного часа, получила десять голосов. Женя Рудаков – тоже десять. Два голоса получил Толик Летяга и по одному голосу – Митя Толконников и Люба Малинина.

– Это несправедливые выборы! – тут же возмутился Летяга. – Все подстроено!

– Что же тут может быть подстроено, Толик? – удивилась классная руководительница. – Все же делалось на твоих глазах!

– Да?! А может быть, эта Журавлева сама себе десять бумажек написала! Кто теперь докажет?

– Вот еще новости! – вскочила со своего места Тася, подбежала к учительскому столу, схватила свою розовую бумажку и принялась тыкать ею в нос Летяге. – Вот! Смотри! Розовая! У меня одной бумага такая! Сам знаешь! Все время у меня ее на шпоры по геометрии клянчишь!

– Да ты, может, специально одну розовую написала, а десять – в клетку, как у всех! – не сдавался Толик.

Тася еще много чего могла бы сказать Летяге, но Наталья

Ивановна осадила их обоих:

– Летяга! Журавлева! Немедленно прекратите перебранку! Если бы Тася написала десять бумажек, то их у нас было бы тридцать три штуки, а у нас их ровно двадцать четыре. Значит, все ребята положили на стол только по одной записке.

– Все равно! Таська вообще не должна была себя писать! – продолжал возмущаться Летяга. – Если бы каждый себя написал, то что получилось бы?! Двадцать четыре разных кандидата! Разве так командира выберешь?! Так вообще никого не выберешь!

– А сам-то! – Тася опять подбежала к столу и взяла в руки один из листочков с фамилией Толика, которые лежали отдельно от ее кучки и стопочки Рудакова. – Вот! Смотрите! – Она продемонстрировала его всему классу. – Летяга тут возмущается, а сам тоже себя написал! Почерк его! Вылитый! Уж я-то знаю! Сто раз тетради проверяла! Надо бы еще и второй листок проверить!

– Ничего не сам! – вспыхнул Летяга, и всем сразу стало ясно, что Тася права.

– Толя! Тася! – опять вынуждена была вмешаться Наталья Ивановна. – Остановитесь, наконец! Конечно, Летяга прав! Надо было сразу оговорить, чтобы никто не писал свою фамилию. А теперь что уж руками размахивать и языками молоть!

– Так можно ж переголосовать! – предложил неугомон-

ный Летяга.

– Согласна, – Наталья Ивановна кивнула головой. – Но раз уж у нас четко выявились два лидера, то голосование проведем только по двум кандидатурам – Журавлевой и Рудакову – при условии, что Женя с Тасей не будут принимать в этом участия. Думаю, против никто не будет.

Против действительно никто не был.

Новое голосование опять ничего не дало. Класс раскололся ровно пополам: одиннадцать человек отдали свои голоса Рудакову и одиннадцать – Журавлевой. Седьмой «Д» удрученно молчал, а классная руководительница, раздосадованная результатом не менее своих учеников, попросила таймаут на обдумывание создавшейся ситуации.

Глава 2

Глаза цвета слоновой кости против общественной работы

После классного часа Тася Журавлева шла домой со своей подругой Ирой Пенкиной и сердито выговаривала ей:

– Вот Летяга Джеку настоящий друг! А ты целый классный час промолчала в тряпочку! Нет чтобы выступить за меня, как Летяга!

– Этот самый Летяга действительно много выступал, а как до дела дошло, так, вместо Джековой свою фамилию написал! И это, по-твоему, друг? – не согласилась с Тасей Ира.

– Все равно! – упрямилась Тася. – Могла бы что-нибудь хорошее сказать про меня!

– Тась! А если не за тебя и не за Джека, то за кого ты проголосовала бы? – Ира решила перевести разговор в другую плоскость, потому что говорить про выборы ей надоело.

– За тебя, конечно!

– Тась! А если не за меня и... вообще не за девочку... То за кого?

– Я больше не вижу достойной кандидатуры на этот серьезный пост.

– Тась! А если не кандидатуры, а просто... Ну... вот кого из мальчиков ты выбрала бы, если бы тебе пришлось выби-

рать?

– Это смотря куда. Вот нам надо еще выбрать ответственного за учебники, так я вообще не стала бы парней выбирать, потому что...

– Тась! А если не за учебники... – перебила подругу Ира.

– Если ты имеешь в виду школьный актив, так меня туда без всяких дурацких голосований пригласят, потому что я себя там уже очень хорошо зарекомендовала. Разве ты не слышала, что сказала Наталья Ивановна?

– Таська! Ты совсем помешалась на общественной работе! – рассердилась Ира, остановилась посреди тротуара и даже нетерпеливо притопнула ножкой в новой туфельке с умопомрачительной пряжкой. – Я же не это имею в виду!

– А что? – испугалась Тася.

– Что-что! Неужели непонятно? Я русским языком спрашиваю, кто тебе из наших мальчиков нравится? Все еще Толоконников? Как в шестом классе?

– А тебе? – тут же нашлась инициативная Журавлева.

– Так нечестно! Я первая спросила!

– Раз ты первая лезешь в душу, так первая и отвечай! – Тася Журавлева отличалась еще и сообразительностью.

– Ну... ладно... – сдалась Ира, потому что ей очень уж хотелось поговорить на эту тему. – Да! Ты права! Джек по-прежнему мне нравится. И даже больше, чем в прошлом году. Как ты думаешь, Тася, у меня есть хоть какой-нибудь шанс?

– Думаю, что нет, – жестко ответила Журавлева.

– Совсем-совсем?

– Ирка! Ты же прекрасно знаешь, что он без ума от Малининой. И, по-моему, они даже тайно встречаются.

– Как это – тайно? Когда? А откуда ты знаешь? – Ира забрасывала подругу вопросами, как учебными гранатами.

– Я видела их в книжном магазине. Между прочим, вчера.

– Подумаешь, в книжном... Могли случайно встретиться... За контурными картами по географии пришли, вот и...

– Могли, конечно, и за картами прийти, не спорю. Но если бы они покупали карты, то и рассматривали бы их. А они выбирали альбом для фотографий и стояли близко-близко! Нос к носу! Так что у тебя, Ирка, нет никакого, даже самого малюсенького шанса.

– Думаешь, у тебя есть шанс с Толоконниковым? – не осталась в долгу Ира.

– Может, и нет, – согласилась Тася. – Но, в отличие от тебя, я не схожу от этого с ума. У меня полно других дел. Как ты думаешь, кто все-таки победит: я или Джек?

– Какая же ты скучная, Таська! – взвыла Ира. – Если честно, то мне абсолютно наплевать, кто победит.

– Вот из-за таких равнодушных, как ты, в мире происходят войны и чудовищные преступления!

– Ага! Конечно! Именно из-за меня! Вчера по телику в новостях рассказывали, как какой-то бандит в подъезде напал на пожилую женщину и отнял у нее пенсию. Скажешь,

тоже из-за меня?

– Из-за таких равнодушных, как ты! Наверняка кто-то что-то слышал из-за дверей своей квартиры, но решил не вмешиваться.

– Получается, что ты меня с этим бандитом равняешь? – возмутилась Ира и покраснела.

– Не равняю, конечно, но все-таки...

– Что «все-таки»? Договаривай, договаривай!

– Все-таки ты могла бы побольше интересоваться делами класса и поменьше личной жизнью!

– Да? Значит я, по-твоему, не интересуюсь делами класса?!

– Я же сказала, что мало интересуешься.

– Ах так! Ну и ладно! Ну и пожалуйста! Ну и целуйся со своими делами класса и со школьным активом, а Толоконников Лариске Иволге достанется! Будешь потом локти кусать, а никого рядом не будет: ни меня, ни Митеньки! А на выборах Джек победит! Вот увидишь! – И разъяренная Ира, развернувшись на сто восемьдесят градусов, пошла прочь от Таси Журавлевой.

Тася еще постояла немного там, где ее оставила Ира, раздраженно перебросила сумку с одного плеча на другое и пошла домой. Пенкина сумела-таки сделать ей больно. Митя Толоконников действительно нравился Тасе. И не с шестого класса, как думала Ира, а чуть ли не с рождения. Во всяком случае, сколько Тася помнила себя, столько она помни-

ла и Митю. Их мамы дружили и даже были одноклассницами. Тася с Митей ходили в одну группу детского сада и все это время учились в одном классе. В детсадовском возрасте они считали друг друга чуть ли не братом и сестрой, а в школе почему-то отдалились и даже никогда больше не общались один на один. Возможно, Митя стеснялся дружеских отношений с девчонкой, поскольку они презирались его новой мужской компанией, а может быть, ему и впрямь понравилась Лариса Иволга, хрупкая темноглазая и темноволосая девочка, тихая и спокойная, в отличие от неутомимой общественницы Таси Журавлевой. А эта буйная деятельность Таси, между прочим, и произошла из той пустоты, которая образовалась в ее сердце после потери Митиной дружбы. Девочке надо было эту пустоту чем-то заполнить, и она ударилась в активную общественную деятельность. Во время проверки правильности заполнения дневников и сохранности школьных учебников Журавлева каждый раз бросала особые вопросительные взгляды на Толоконникова, особенно долго и тщательно перелистывая страницу за страницей его школьных принадлежностей. Митя ее взглядов не замечал или делал вид, что не замечает. Он сердито вырывал из ее рук дневник или учебник и, не слушая никаких ее замечаний, быстро отходил к своим приятелям.

Митя Толоконников был стройным и для своего возраста весьма высоким. Все у него было удлиненным: и чистое смугловатое лицо, и тонкий прямой нос, и пальцы с оваль-

ными ногтями, которые сделали бы честь любой девушке. Он нравился не только Тасе, но и многим другим девчонкам, но ввиду своей молчаливости казался загадочным и недоступным. Куда проще был Джек, резкий, прямой и веселый, да еще и обладающий, как уже было отмечено выше, красивыми серыми глазами. Девчонки седьмого «Д» кокетничали с Джеком, но ни одна не была бы против, если бы из своих заоблачных высот Толоконников спустился на землю и соизволил обратить на них внимание. Чаще других на Митю бросала пылкие взгляды Лариса Иволга, и некоторые особи Птичьего базара уже не раз отмечали, что Толоконников начинает потихоньку проявлять к ней интерес. Разумеется, Тасе Журавлевой это очень не нравилось. Еще бы! На Иволгины взгляды он, видите ли, обращает внимание, а на ее – нет! Куда это годится?

Дома Тася бросила сумку на диван и уселась рядом, забыв снять куртку. Может быть, Ирка права? Может, она действительно делает что-то не то, неправильно живет? Никто из девчонок, кроме нее, не рвется ни в школьный актив, ни в командиры класса. Все перемены они обсуждают наряды, косметику и мальчишек. Люба Малинина вчера демонстрировала такой потрясающий набор теней и пробных помад, что приходили смотреть даже девчонки из восьмого. А она, Тася, еще ни разу не употребляла косметики. Может, зря? А что, если попробовать? У мамы много всяких баночек, коробочек и тюбиков...

Тася скинула мешающую куртку и прошла в родительскую спальню. У большого зеркала действительно располагался чуть ли не косметический салон. Тася повертела в руках некоторые баночки. Крем, пенка, маска, скраб... Какое ужасное слово «скраб»... Похоже на крем, но с какими-то кусочками... Пахнет хорошо... Помазаться, что ли? Но кусочки свалятся с лица... Или прилипнут? Тася повертела в руках нарядную жемчужно-розовую баночку, прочитала на ее выпуклом боку инструкцию и решила, что чистить лицо ей незачем. Вон у нее какая гладкая кожа! А губы! Что за прелесть ее губы! Пухлые, нежные, цветом не хуже жемчужно-розовой баночки! Тася улыбнулась своему отражению и от губ перешла к глазам. Вот глаза... Что же это за цвет? Говорят, карий... Но какой же это карий? Вот у Лариски Иволги действительно карий, то есть коричневый, очень насыщенного тона. А у Таси, скорее, бежевый... Бежевые глаза? Смешное сочетание! Глаза цвета темной слоновой кости... А бывает темная слоновая кость? Может, и не бывает... А ресницы? Ресницы так себе! Не длинные и не густые. Если уж честно сказать, то редкие и короткие! Может, стоит их подкрасить? Малинина иногда красит. Вообще-то красиво. Ей идет. Она сразу делается похожей на девушку с журнальной картинки.

Тася покопалась в выдвижном ящичке тумбочки перед зеркалом и нашла тюбик туши для ресниц. «Estee Lauder». Наверно, хорошая фирма. Мама плохой тушью краситься

не будет. Девочка отвернула удлиненную крышечку, вытянула прикрепленную к ней щеточку и неумелыми, неловкими движениями принялась наносить на ресницы тушь. Кисточка отчаянно вырывалась из рук. Несколько раз Тася попадала себе в глаз, исходила слезами, умывалась и начинала все сначала. В конце концов, получилось очень хорошо. Глаза рас-пахнулись чуть ли не на пол-лица и стали еще светлее: настоящая темная слоновая кость! Даже если у слонов и не бывает такой кости, Тася теперь только так будет называть цвет своих глаз. А ресницы стали выше всяких похвал! Во-первых, они здорово удлинились, во-вторых, выглядели более густыми, а в-третьих, загнулись кверху чуть ли не до бровей! Вот вам и «Estee Lauder»! Ведь вы этого достойны! Или это реклама другой фирмы? Какая разница! Та-а-ак! Что бы еще покрасить? Вот это, кажется, тени... Точно, тени. И какой же выбрать цвет? Может, вот этот, зеленый? Ну-ка попробуем... Не-е-ет... Получилась какая-то кикимора болотная...

Тася перебирала цвет за цветом, стирая краску с век и нанося новую. В конце концов у нее заболели глаза, и она сделала вывод, что тени ей не идут. Она также забраковала тональный крем для кожи и губную помаду. С накрашенными губами она показалась себе даже не кикиморой болотной, а клоунессой из детской передачи, в игровой форме обучающей малышей английскому языку. Нет, это не ее стиль. Тася будет позволять себе иногда красить ресницы и наносить

на губы бесцветный блеск. Это ей идет. Она делается почти красавицей, хотя никогда себя таковой не считала.

Тася сняла с волос заколку-крабик и распустила волосы. Они у нее тоже хороши. Светло-русые, густые и длинные, до середины спины. Может, походить в школу с распущенными волосами? А что? Малинина иногда ходит. Если она их не завьет, то они у нее торчат во все стороны, прямо смешно. А у нее, у Таси, они торчать не будут, потому что тяжелые, лежат сплошной золотистой массой и даже не лохматятся. Она уже пару раз ходила к одноклассницам на дни рождения с распущенными волосами. Они даже почти не спутались, хотя Тася всю веселилась, прыгала вместе со всеми и танцевала. Если бы Митя Толоконников увидел ее с распущенными волосами и такими вот длинными пушистыми ресницами, то, может быть, он вспомнил бы, как они дружили... И может быть, они снова могли бы...

Тася тряхнула головой, отгоняя от себя мысли о Мите, завернула волосы в узел и снова сколола своим крабиком. Надо поесть и сесть наконец за уроки. А ресницы? А ресницы пусть пока побудут накрашенными! Кому это мешает?

Стоит отметить, что манипуляции с маминными косметическими средствами так благотворно подействовали на Тасю, что весь вечер она ни разу не вспомнила о выборах командира, которые раскололи седьмой «Д» пополам, и о своей судьбе в свете этого раскола.

На следующий день Тася исхитрилась задержаться дома до тех пор, пока родители не уйдут на работу. Как только за отцом, который уходил после мамы, захлопнулась дверь, она бросилась к хорошо себя зарекомендовавшей «Estee Lauder». Всего лишь парочка взмахов кисточкой, а какой эффект! Интересно, заметит ли кто-нибудь в классе, что у нее покрашены ресницы?

Первым уроком был предмет под названием ОБЖ. Преподаватель Николай Васильевич, подполковник в отставке, начал урок с объявления:

– В следующий понедельник стартует общешкольная военно-спортивная игра «Зарница», продолжением ровно две недели. Вы будете соревноваться в категории седьмых – девярых классов.

– Ур-р-а-а-а! – дружно грянули мальчишки.

– Ну-у-у-у... – разочарованно протянули девчонки, а преподаватель, переждав то и другое, продолжил:

– Наша школа будет объявлена батальоном, я уже назначен комбатом. Каждый класс будет называться ротой, и вам предстоит выбрать себе командира.

– Ну-у-у... Опять выбирать... – недовольным оказался уже весь седьмой «Д».

– Первый раз вижу класс, который не хочет выбирать командира, – удивился поведению семиклассников Николай Васильевич. – Обычно предложения кандидатур сыплются как из рога изобилия.

– Мы уже навывирались, – ответил за всех Лetyага. – У нас ничего не получается! – И он рассказал про вчерашние выборы командира класса.

– Ну... Если насчет кандидатуры в командиры класса вы еще можете подумать, то ротного должны выбрать немедленно! Сейчас каждый класс школы так же, как и вы, выбирает себе командира роты, потому что сразу после этого урока состоится их первый сбор для получения инструкций. От вашего класса непременно кто-нибудь должен быть! Иначе вы не узнаете, что нужно будет подготовить к следующей неделе!

– Ребята! – с трудом заставив себя дослушать Николая Васильевича до конца, во весь голос завопил Лetyага. – «Зарница» упрощает нам дело!

Переждав нестройные вопли: «Как это упрощает?», «Ничего себе упрощает!» и прочие, Толик выпалил:

– Как же вы не понимаете! Как сказала Наталья Ивановна, у нас четко определились два лидера, так пусть один командует классом как седьмым «Д», а другой – седьмым «Д» как ротой во время «Зарницы»! А там посмотрим, кто себя как проявит!

– Точно! – подхватил Раскоряка. – Предлагаю в ротные Джека, потому что не девчонке же распоряжаться в военной игре! А Таська пусть себе заведует тетрабочками да оценочками! Мы пока потерпим! Верно, ребята?!

За объединенную идею Лetyаги с Раскорякой единогласно

проголосовали все: мальчики – с большим воодушевлением, Птичий базар – с нестройным чириканьем, лениво и без интереса.

Тася Журавлева не была уверена, что все происходящее ей нравится. Командиром роты тоже интересно побывать. Может быть, даже интереснее, чем классом командовать. В самом деле, надоело уже следить за успеваемостью, дисциплиной и обертыванием учебников. Но надо честно признать, если бы не грядущая «Зарница», то и в главнокомандующие класса наверняка прорвался бы Джек. Тася вздохнула, хлопнула пару раз покрашенными ресницами, которые в горячке так никто и не заметил, и тоже подняла руку вместе со всеми.

После звонка Джек во весь дух понесся в актовъй зал, где собирали ротных командиров, а возле кабинета ОБЖ сбились в кружок девочки седьмого «Д».

– Ну! И кому нужна эта детская «Зарница»? – задала риторический вопрос Люба Малинина. Риторический вопрос на то и риторический, что ответ на него ждать не надо, поэтому Люба тут же заговорила дальше: – Будем как дураки бегать в противогазах и бросать учебные гранаты! Мы уже давно выросли из этих игр! У меня, между прочим, прическа, которая ни в один противогаз не влезет! – и она бережно поправила руками тугие кольца волос, которые прилежно завивала с помощью маминых электрощипцов.

– Что за глупость ты несешь, Люба! – сердито сказала ей

Тася. – Неужели ты будешь беречь свои кудри и отказываться от противогоза даже тогда, когда по-настоящему произойдет утечка отравляющих веществ?

– По-настоящему не произойдет! – убежденно возразила ей Малинина. – На что тогда нужны все взрослые и всякие военные вроде Николая Васильевича! И вообще! Лучше бы организовали какой-нибудь осенний карнавал, чем эту «Зарницу»! Мы с Ольгой Дятловой купили себе такие прикольные заколочки в виде кленовых листьев!

– И правда, Тася! – обратилась к Журавлевой Лариса Иволга. – Ты как командир класса могла бы организовать какое-нибудь мероприятие для девочек, например, дискотеку, тем более что уже тоже начала красить глаза!

– Да ну! – не выдержала Пенкина и протиснулась к Тасе сквозь строй девчонок, напрочь забыв, что они вчера поссорились. – Ну-ка, покажись! – Она приблизила свое лицо почти вплотную к Тасиному и деловито осведомилась: – Чем кра – силась?

– «Estee Lauder», – гордо ответила Журавлева, будто бы практиковала это давно и только время от времени меняла фирму.

– Не слабо! – согласилась Ира. – У матери стащила?

– Это... мне... подарили... – попыталась возразить Тася, но ее уже никто не слушал, потому что Малинина вытащила бледно-розовую помаду, и Птичий базар принялся щебетать и прищелкивать над ее умопомрачительным «мокрым»

блеском.

Тасе вдруг почему-то сделалось нестерпимо скучно. Она хотела уйти, но Ира Пенкина подхватила ее под руку.

– Раз уж мы с тобой все равно помирились, – сказала она, – то хочу тебе сообщить, что целиком и полностью поддерживаю Лариску. Нашему классу немедленно надо организовать дискотеку, потому что в коллективе уже начали складываться кое-какие отношения, и просто необходимо их закрепить.

– Какие еще отношения? – не поняла Тася.

– Такие! Романтические! И Иволга в этом деле далеко не последняя! Я тебя, между прочим, предупреждала!

– О чем ты? – еще больше испугалась Журавлева.

– Не «о чем», а о ком! О Мите Толоконникове!

– И что Митя?

– Сегодня в школу пришел вместе с Лариской!

– Не может быть!

– Сама видела!

– Может, только на крыльце встретились?

– Я видела, как они от дома Лариски вместе шли! Может, он за ней даже зашел!

Тася почувствовала, как к глазам подступили слезы. Конечно же, она занимается ерундой! Командирство, «Зарница»! Кому это нужно, если Митя... если с Митей...

– Не стоит так расстраиваться, – посоветовала ей Пенкина. – Вот устроим дискотеку, ты пригласишь на белый танец Толоконникова и все ему скажешь.

– Что скажу?

– Ну... что-нибудь вроде того, что ты без него жить не можешь.

– Легко тебе говорить! – возмутилась Тася.

– Ничего не легко! Я, между прочим, тоже собираюсь объясниться с Джеком! Вот поэтому и говорю, что нам нужна дискотека! Пообещай, что устроишь ее... как командир класса!

– Не могу я этого обещать, тем более что сейчас все будут заняты «Зарницей».

– Да... Ты права... – согласилась Ира и закусила в раздумье губу. – Но уж после игры надо сразу, потому что на Рудакова полкласса девчонок зарится, не то что одна твоя Иволга!

Глава 3

Переход на военное положение

После уроков ротный командир Евгений Рудаков, или попросту Джек, собрал свою роту в виде седьмого «Д» на внеочередной классный час.

– Значит, так! – солидно откашлявшись, сказал он. – Слушайте все сюда! «Зарница» будет проходить так же, как в прошлом году, хотя, конечно, в ее проведение внесены кое-какие изменения. Лыжного кросса, как вы понимаете, в сентябре быть не может, зато будет кросс обыкновенный, на пятьсот метров, и эстафета в противогазах, с носилками, с условно ранеными и пораженными отравляющими веществами. Всякое прочее тоже будет, но это все ерунда... Справимся. Главное – другое! Вот, глядите! – Он показал одноклассникам сшитую из цветного картона книжечку. – Это хоть и книжечка, но называется «Путевой лист». Здесь написано, в какой день, в какое время и в каком соревновании мы должны участвовать, кто наши соперники и кто судьи. В этой книжке будут отмечаться все наши достижения и представляться баллы, которые мы заработаем за день...

– Подумаешь, новшество! – презрительно скривился Летяга. – В прошлом году все это было написано на листе ватмана, который висел на стене в коридоре. Только и всего! Да-

же удобнее было! Подходишь, читаешь – и все знаешь и про свой класс, и про другие тоже! И баллы все на виду. Всегда можно прикинуть, кто вырвался вперед, и поднажать, чтобы... значит... не отстать!

– Ты, Толик, как всегда, тарахтишь и не даешь мне сказать самого главного! – рассердился Джек. – На стене все, что надо, висеть будет, не в этом дело. Вот здесь, – он открыл последний разворот книжечки, и все увидели, что страницы там голубого цвета, – будет фиксироваться, сколько с нас снимут штрафных очков...

– Что еще за штрафные очки?! – опять не выдержал Летяга. – Это за что же они будут сниматься?

– За «двойки»...

– По физкультуре! – догадался Раскоряка.

– Наверняка по ОБЖ, – вставила реплику Тася.

– Не только! Представьте, будут отниматься баллы за «двойки» по всем предметам!

– Вот так номер! – возмутился Летяга. – Что же это получается?! Получается, что из-за «пары» за какие-то, например, дурацкие причастия, которые вообще непонятно для чего нужны русскому народу, класс страдать должен?

– Выходит, что так, – нехотя согласился Джек, которому все это тоже не очень нравилось. – Директриса сказала, что в прошлом году во время «Зарницы» все так забросили учебу, что сильно пострадала успеваемость школы. Поэтому в этом году учителя решили снимать баллы за «двойки», за

опоздания, за забытые дневники и сменную обувь, за плохое дежурство, а еще за плохое поведение и шум на уроках.

– Ничего себе! – крикнул расстроенный Раскоряка, который десяти минут не мог просидеть спокойно и получал бесконечные замечания от учителей на уроках. – Эдак все потом и кровью заработанные баллы и уйдут на всякую ерунду.

– Да уж, Сережка, туго тебе придется, – усмехнулась Тася.

– А если я, например, ничего не понимаю в геометрии, то мне что, лучше вообще в школу не приходиться? – обратилась к командиру роты Ира Пенкина.

– Да ты что! – накинулся на нее Джек. – Да за прогулы у нас столько баллов отнимут, мало не покажется!

– Твою геометрию, Ира, я беру на себя! – успокоила подругу Тася. – Вместе будем заниматься! Я вообще считаю, что каждый, кто хорошо разбирается в каком-нибудь предмете, может помочь отстающим! И вообще! Неужели непонятно, что эти две недели, в которые будет проходить «Зарница», всем стоит поднажать и заниматься в полную силу! И уроки надо делать все, а не на улице пропадать, вспоминая лето золотое!

– Знаешь, Таська, мы так не сдюжим, чтобы и тебе кросс с носилками, и причастные обороты! – выкрикнул Летяга. – Мы обыкновенные дети, а не терминаторы – универсальные солдаты! Ну-ка, Джек, погляди в этом «Путевом листе», какое соревнование у нас самое первое, в следующий понедельник!

Джек полистал книжечку.

– Та-а-ак... Сейчас найду... У нас в понеде-е-ельник... В понедельник у на-а-ас... Ага! Вот! Нашел! Страшное дело! – он обвел растерянным взглядом одноклассников. – У всей школы смотр строя и песни! Вот тут написано: общий сбор в физкультурном зале... с подъемом флага.

Седьмой «Д» взорвался возмущенными возгласами:

– Ничего себе!

– А мы и не тренировались!

– А я вообще петь не умею!

– А я и не собираюсь петь!

– Мы с прошлого года строем не ходили!

– Вот я и предлагаю сегодня же после классного часа потренироваться в хождении строем! – повысил голос Джек. – И песню какую-нибудь попробуем спеть!

– Какую?

– Ерунда какая – петь!

– «Во поле березонька стояла...»

– Не буду я ничего петь! – неслось со всех сторон.

– Я предлагаю хотя бы «Катюшу», – встала со своего места

Тася Журавлева. – Слова все знают, вот мы и попробуем под нее идти строем!

– Ты, Таська, совсем с ума сошла! Какую-то древнюю «Катюшу» вспомнила! – презрительно заметила Малинина. – Ты бы еще предложила «Наши жены – пушки заряжены! Вот кто наши жены!»

– Не нравится «Катюша» – не надо! Я не настаиваю! – не обиделась Тася. – Пожалуйста, предложи что-нибудь свое!

– Больно надо! Я вообще не собираюсь с вами ходить строем! Детский сад какой-то! У меня вот! Туфли на каблуках! – и она выставила в проход ноги в новеньких модельных туфельках.

– Проходишь пару недель без своих каблуков, не развалишься! – строго сказал Джек, хотя видно было, с каким трудом далась ему эта строгость. Все в классе знали, что Люба Малинина ему жутко нравится. – Кстати, – продолжил Рудаков, – нам надо еще придумать какие-нибудь элементы военной формы в одежде. К этим элементам, слышишь... Малинина, никак не подойдут твои каблуки. Придется снять!

– И не подумаю! – еще более презрительно скривившись, ответила ему Люба. – И элементы ваши не надену! Мне уже почти тринадцать лет! Я уже вырос-ла! Понятно тебе, ротный командир! Если вам нравится, – она обвела взглядом класс, – можете играть в свою «войнушку» в элементах, а я, пожалуй, пойду! – И она, схватив со стола такую же модную и новую, как туфли, сумочку, гордо и грациозно вышла из класса.

Седьмой «Д» ошеломленно молчал. Джек нервно кусал губы. Все в классе понимали, что ему очень хочется броситься вслед за Малининой, но командир роты выдержал и не бросился. Это всему классу очень понравилось, а гораздо больше других – Ире Пенкиной, которая имела на Дже-

ка большие виды. В полной тишине очень громко прозвучал высокий голос Ларисы Иволги:

– Если честно, то мне тоже совершенно не хочется в противогазе... И вообще, что это еще за элементы военной формы?

– Это, Лариска, например, погоны! – сказал Летяга.

– Чур, мне маршальские! – тут же крикнул Раскоряка.

– А мне генералиссимуса Суворова!

– А мне Звезду Героя!

– А мне орден!

– А я возьму автомат Калашникова! – понеслось со всех сторон.

Ротный командир в растерянности смотрел на раздухавшихся одноклассников и не знал, как прекратить их буйное веселье. А мальчишки уже повскакивали с мест и с помощью пальцев, линеек, треугольников и других подручных средств стали изображать различное стрелковое оружие, гранатометы и даже установку реактивных снарядов «Град». Когда Раскоряка завыл, изображая летящий фугас, класс потряс взрыв. Одноклассники в унисон вздрогнули и застыли в самых нелепых позах. Оказалось, что «взрыв» организовала Тася, изо всех сил стукнув по столу толстым учебником по литературе.

– В самом деле, детский сад какой-то! – возмутилась она. – Как вам не стыдно!

– А почему нам должно быть стыдно? – спросила ее Оль-

га Дятлова, задушевная подруга Малининой. – Любка права! Мы уже выросли, чтобы изображать из себя оловянных солдатиков! Только и остается, что посмеяться над всем этим!

Рассерженная Тася Журавлева вскочила со своего места и горячо заговорила:

– Как же вы не понимаете, что «Зарница» – это не столько игра, сколько тренировка! В случае стихийного бедствия или какой-нибудь катастрофы мы должны уметь и противогазами пользоваться, и раны бинтовать, и хорошую физическую подготовку иметь!

– Интересно, кто это во время стихийного бедствия станет строем ходить, да еще и «Катюшу» горланить? – поддела ее Ольга.

– Строй и песни нам нужны, чтобы праздничное и торжественное настроение создать! Если игра военизированная, то глупо горланить, как ты выражаешься, про любовь или выкрутасы брейк-данса демонстрировать!

Джеку уже давно надоело смотреть, как Журавлева выступает на первых ролях, забыв, кто тут ротный командир, и он во все горло гаркнул:

– А ну-ка, хватит базарить! Пацаны! Быстренько сдвигайте столы в сторону! Будем тренироваться ходить строем! Надеюсь, все помнят, как в прошлом году разбивались на четверки!

Когда столы были сдвинуты, а семиклассники выстроились прошлогодними четверками, Джек, стоящий перед

классом, ужаснулся тому, что увидел. Вверенная ему рота выглядела самым нелепым образом. Девчонки за лето вытянулись и очень повзрослели. На многих были туфли на высоких каблуках и яркая одежда. Некоторые накрашили губы и сверкали крупными серьгами. На их фоне мальчишки казались если и не детским садом, то учениками начальной школы – уж точно. Одеты они были в простенькие джинсовки и спортивные костюмы, а высоким ростом отличались только трое: Толик Летяга, Митя Толоконников и он сам, Евгений Рудаков. Ну, еще и Раскоряда был ничего... не карапузом... Когда седьмой «Д» несколько раз прошел строем мимо своего командира, Джек чуть не заплакал с досады. Одноклассники смущались и стеснялись друг друга. Строй ломался и разваливался. «Катюшу» пели тихо, фальшиво и нестройно. Раскоряка откровенно кривлялся, а девчонки подхихкивали. Наверное, Джек в сердцах кому-нибудь надавал бы подзатыльников, если бы в класс не пришла Наталья Ивановна. Она быстро навела порядок, и семиклассники довольно прилично промаршировали несколько кругов и два раза бойко спели «Катюшу». В качестве элементов военной формы все действительно сошлись на погонах рядовых Российской армии, которые можно сделать из цветного картона. Джеку постановили надеть погоны лейтенантские, а Наталья Ивановна даже обещала выпросить в военной части, где у нее служил кто-то из знакомых, настоящие солдатские пилотки.

Глава 4

Ананасное мороженое и ванна холодной воды

Митя Толоконников был единственным парнем седьмого «Д», который совершенно не обрадовался грядущей «Зарнице». Он был очень неспортивным товарищем. Прыгал он недалеко и невысоко, бегал медленно, а на кроссах вообще всегда сходил с дистанции. Подача у него была слабая, и та команда, за которую физрук ставил его играть в баскетбол или волейбол, вечно была недовольна. Что касается силовых видов спорта, то тут дело обстояло еще хуже. Толоконников не мог ни отжаться от пола, ни подтянуться на перекладине, ни залезть вверх по шесту или канату. Мяч и гранату он кидал на смехотворное расстояние и с трудом проплывал дорожку в бассейне. Он не был классным посмешищем только потому, что в школе, где они учились, физкультура проводилась отдельно для мальчиков и девочек. Ни одна девчонка не видела еще его позора. Парни на его счет помалкивали и не теряли к нему уважения, потому что он лучше всех разбирался в компьютерах и даже сам мог составить не слишком, конечно, сложную программу.

В прошлом году «Зарница» проводилась в школе первый раз. Ее Митя счастливо проболел. В этом году ему от нее

не отвертеться. Здоров, как бык. Эта «Зарница» станет его концом. Одно дело – болтаться сосиской на перекладине на виду у парней, которые если и посмеиваются, то в тряпочку. Им всем нет смысла хохотать во все горло и обзывать-ся обидными словами, потому что потом все равно придется ползти к нему же за объяснениями заданий по информатике. И совсем другое дело – позориться перед девчонками. И, главное, перед ней... перед Тасей Журавлевой... Они дружили с ней до школы. Когда пришли в первый класс, Митя понял, что подобные «дружбы» в мужском коллективе не только не поощряются, а даже наоборот, высмеиваются, и быстренько сделал вид, что никаких особых отношений у него с Журавлевой нет. Тася сначала обижалась, требовала от него объяснений, а потом смирилась, отошла в сторону и слилась с Птичьим базаром. С тех пор они почти не общались, но каждый свой шаг по-прежнему проверяли друг на друге: бросали быстрые вопрошающие или оценивающие взгляды.

А Тася год от года становилась все красивее и красивее. Недавно пришла в школу с распущенными волосами. Учителя не ругались, потому что волосы очень красиво лежали у нее на спине, не лохматились и никому не мешали. Мите очень нравилось смотреть, как Тася, не соглашаясь с кем-нибудь, качала головой, и ее волосы плотной золотой массой перемещались из стороны в сторону, переливались и блестели. Ему очень хотелось возобновить с ней былые отноше-

ния, но подойти к девочке было стыдно. Это же он, Митя, ее предал и отказал в дружбе! Вот Толоконников к Тасе и не подходил, а молча мучился этим. И вот теперь эта самая Тася Журавлева увидит, что он на самом деле собой представляет. Он же не мужчина, а жалкий, тщедушный слизняк!

Конечно, можно было предусмотреть такое развитие событий и потренироваться летом, а с начала сентября записаться в какую-нибудь спортивную секцию, но он этого не сделал. Все лето провел на даче у речки, а с начала учебного года опять плотно уселся за компьютер. И что теперь? Неужели позориться перед Тасей? Ни за что! Лучше смерть, чем позор! А поскольку умирать что-то совсем не хочется, он что-нибудь придумает! Конечно! Есть же самый простой выход! Нужно заболеть, как в прошлом году! Правда, сейчас это сделать сложнее. Прошлая «Зарница» проходила в феврале. Было вьюжно и холодно. Митя потому и заболел, что, одетый весьма легкомысленно для такой погоды, он накануне долго прождал автобус. Сейчас тепло почти как летом. Простудиться проблематично. Можно, конечно, натрескаться мороженого. Горло у него слабое. Пожалуй, надо так и сделать. Митя вытряс из коробочки из-под шоколадных конфет деньги, которые у него оставались от школьных завтраков. Сумма оказалась не слишком внушительной, но на два больших брикета пломбира ее хватит. Митя накинул спортивную куртку и, не теряя времени даром, побежал в соседний универсам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.